

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОЧИЩА СМЯДЫНЬ В СМОЛЕНСКЕ

© 2018 г. Н.А. Кренке*, И.Н. Ершов**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: nkrenke@mail.ru

** E-mail: ershovin@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.

Новые исследования малой церкви XII в. на территории Борисоглебского монастыря на Смядыни позволили уточнить ее местоположение и степень сохранности фундаментов, а также выявить деревянную ограду монастыря. Собранные в погребенной почве под полом церкви находки (в том числе лепная керамика) указывают на длительное хозяйственное освоение места монастыря начиная со второй половины I тыс. н.э. Значительно число находок XI–XII вв. Изучение пойменного сегмента позволило получить данные об изменениях положения русла Днепра. В тыловой части террасы зафиксировано старичное озеро, существовавшее в период строительства монастыря. Русло Днепра в это время находилось примерно в 100 м к северу от кромки террасы. Выявлен участок, где существовал спуск с террасы к берегу р. Смядынь, на котором обнаружены находки конца X – начала XI в. Установлен “коридор”, в пределах которого находилось русло Смядыни. Выше по течению от ее устья в отложениях поймы Днепра сохранились древние погребенные почвы атлантического-субатлантического периодов, в том числе хорошо выражена “гнёздовская” почва, которая являлась дневной поверхностью во второй половине I – начале II тыс.

Ключевые слова: пойма, погребенные почвы, палеорусло, древнерусские храмы, монастыри.

URL: 10.31857/S086960630001649-2

Смоленская экспедиция ИА РАН возобновила исследования Смядыни в 2014 г., при этом ставились следующие задачи: 1) уточнение местоположения фундаментов архитектурных памятников и степени их сохранности, дополнительное изучение стратиграфии, особенно слоев, подстилающих архитектурные объекты; 2) выяснение ранней истории освоения территории; 3) реконструкция исторического ландшафта, в том числе пойменного участка, где некогда протекала речка Смядынь. Последняя задача особенно важна, учитывая, что сегмент левобережной поймы Днепра в районе Смядыни представляет собой в геоморфологическом отношении близкий аналог пойменному сегменту в районе Гнёздова, где были сделаны важнейшие археологические находки (Пушкина и др., 2012). Летописное сказание о Борисе и Глебе, описывающее убийство кн. Глеба в 1015 г., упоминает географические реалии, которые хотелось бы сопоставить с археологическими данными. Сказание отмечает, что “Глеб стал на Смядыни в ладье”, убийцы встретили его “в устье Смядыни”, тело убитого князя лежало брошенным “меж двух колод” в “пустын-

ном месте”, которое однако посещали “купцы, охотники и пастухи” (Жития..., 1916. С. 39–43).

Археологическое изучение урочища Смядынь имеет длительную историю (Бегунова, 2015). Раскопки на территории Борисоглебского монастыря были начаты А.С. Уваровым еще в 1883 г. и затем неоднократно повторялись. Последний раз работы здесь проводились Н.В. Сапожниковым в 1993 г. и имели новостроечный характер. Вопросы архитектурной археологии в основном были решены нашими предшественниками (Воронин, Раппопорт, 1979). Однако за последние 30 лет никто не проводил мониторинга состояния выявленных археологами фундаментов. На фотографиях начала XX в. видно, что при раскопках обеих церквей Борисоглебского монастыря на Смядыни были расчищены не только фундаменты, но и стены высотой до 2 м, но что от них сохранилось до нашего времени? Не было также и точных данных о местонахождении изучавшихся церквей, так как общий план местности в работах предшественников отсутствовал.

Исследования в пойме. Участок поймы левого берега Днепра в районе Смядыни имеет рельеф, напоминающий стиральную доску, представленный параллельными гривами (береговые валы) и ложбинами (старорусельными понижениями), образовавшимися при поэтапном смещении русла реки в западном направлении. В тыловой части поймы прослеживается старорусельное понижение, которое и в настоящее время затопливается в годы высоких паводков, вода стоит здесь до начала лета (рис. 1). Особенно хорошо этот рельеф виден на аэрофото- и космических снимках (рис. 2). Шурфовка валообразных гряд в центре пойменного расширения показала их молодой возраст (шурфы 2 и 3). Погребенные почвы в шурфах отсутствовали, отложения состояли из аллювиальных песков и супесей. Судя по находкам позднесредневековой керамики в шурфе 3, формирование тела прируслового вала происходило на протяжении последних нескольких столетий. В тыловой части поймы был заложен шурф 1. Здесь на глубине 4 м от современной поверхности (если не учитывать техногенные навалы грунта XX в., то глубина будет 3 м) исследованы оглеенные старичные отложения (суглинок сизого цвета), содержавшие фрагменты веток. По гуминовой вытяжке из грунта получена дата 1606 ± 55 (SPb-1473), а по древесине (веточка) — 762 ± 30 (SPb-1473A). Более молодая дата при калибровке указывает на интервал 1245–1277 гг. с вероятностью в 63.5%. Таким образом, русло Днепра уже в это время отошло от бровки террасы в северном направлении на несколько десятков метров, а в тыловой части поймы существовало постепенно заполнявшееся старичное понижение. Аналогичная картина прослежена на гнёздовском сегменте правобережной поймы (Александровский и др., 2005. С. 120).

Шурф 4 был заложен, видимо, на левом берегу исчезнувшей речки в пределах выхода долины р. Смядынь в пойму Днепра. Уже в начале XX в. здесь не было воды, что видно на фотографиях того времени. Примерно на глубине 1 м от современной поверхности в шурфе прослежена погребенная почва (горизонт суглинка серого цвета мощностью до 15 см). Находки на этой почве датируются в интервале XIII–XIX вв. (от стеклянного браслета до поливной керамики). Ниже залегал суглинок без ясно выраженной слоистости. В этом слое на глубине 1.9 м прослежен горизонт залегания керамики X — начала XI в., в том числе развал раннекругового горшка с линейно-волнистой орнаментацией (рис. 3). Скопление

керамики находилось в толще однородных отложений, довольно хорошо проработанных почвенными процессами. Наличие развала горшка возможно указывает на то, что керамика не была транспортирована, а отложилась на том месте, где происходила человеческая активность. Ситуация, зафиксированная в шурфе 4, позволяет предположить, что здесь был относительно сухой участок (старичные отложения отсутствуют), где можно было подняться на первую террасу.

Нами предпринята попытка отыскать русло Смядыни, изображенное на карте 1784 г. (рис. 1, I). Для этого заложен шурф 6, прорезавший небольшой овраг — желоб стока паводковых вод, впадающий в Днепр (рис. 1, 2). Изучение этого шурфа дало ценные материалы для понимания стратиграфии пойменных отложений Днепра, но с очевидностью показало, что русло Смядыни находилось не здесь. Вероятно его надо искать на 100–150 м западнее. В толще пойменных напластований можно выделить три погребенные почвы, разделенные прослоями слоистого песчаного аллювия быстрого накопления (рис. 4). Верхняя из этих почв (1a) залегала на глубине 165–180 см от современной поверхности и имела слабую гумусовую прокраску. Видимо данная почва формировалась за относительно короткое время, и ее можно обозначить, как слаборазвитая.

Следующая почва (почва 2) залегала на отметках 235–245 см. Это темный серо-бурый суглинок, светлеющий книзу, толщиной до 10 см. В нем присутствуют древесные угли размером 1–2 мм. Эта почва хорошо прослеживается и в других разрезах поймы Днепра в районе Смоленска. В районе устья р. Ольшанка данная почва залегает на глубине 1 м от поверхности высокой поймы, и на ее поверхности найдена лепная и круговая керамика конца I тыс.н.э. — XI в. (шурфы 2017 г.). В районе устья р. Катинка изучен пойменный разрез со сходной стратиграфией. В основании почвы 2 в катынском разрезе получена радиоуглеродная дата 1690 ± 70 (MKL-3629) (Краковская лаборатория), калиброванное значение — 260–430 гг. н.э. (68.2%), а на поверхности почвы залегала керамика XV–XVI вв. В шурфе возле Ольшанского городища в толще данной почвы были найдены угольки, давшие радиоуглеродный возраст 1554 ± 26 (UOC-5860) (Лаборатория университета в Оттаве, Канада). Калиброванное значение — 430–540 гг. (68.2%). На гнёздовском сегменте поймы данная почва залегала на глубине 170 см, была обозначена М.А. Бронниковой,

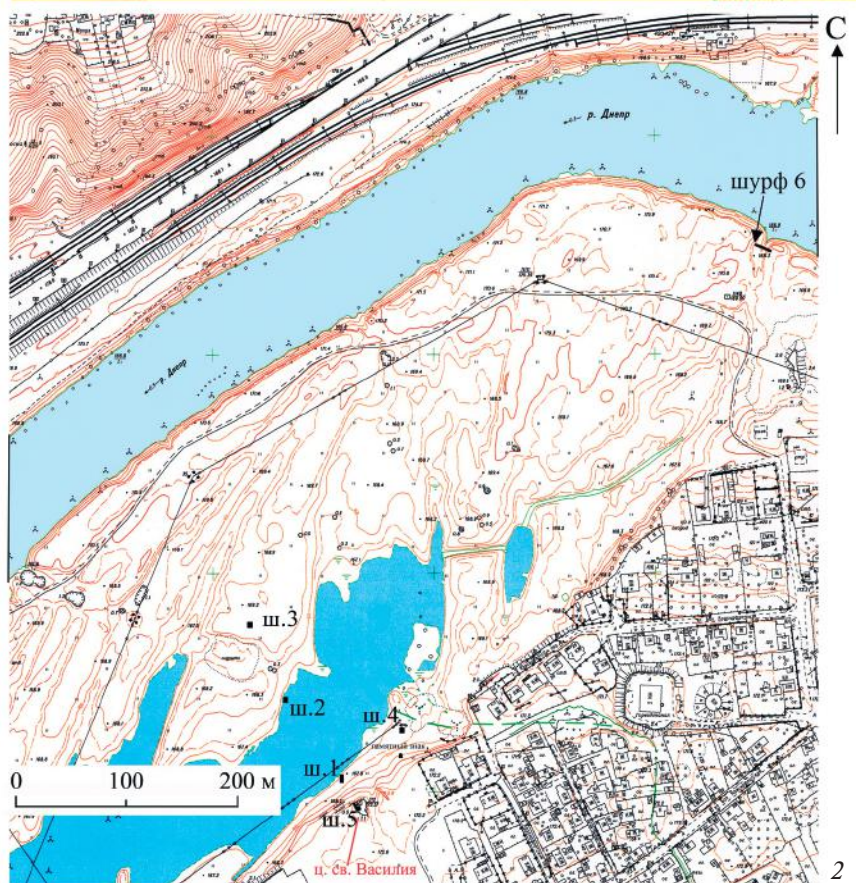
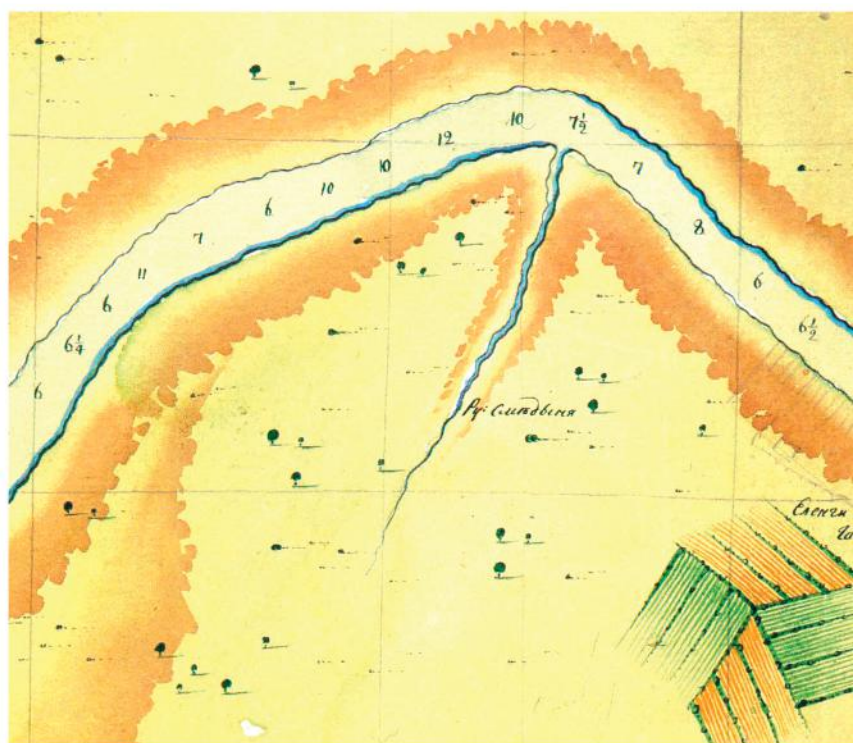
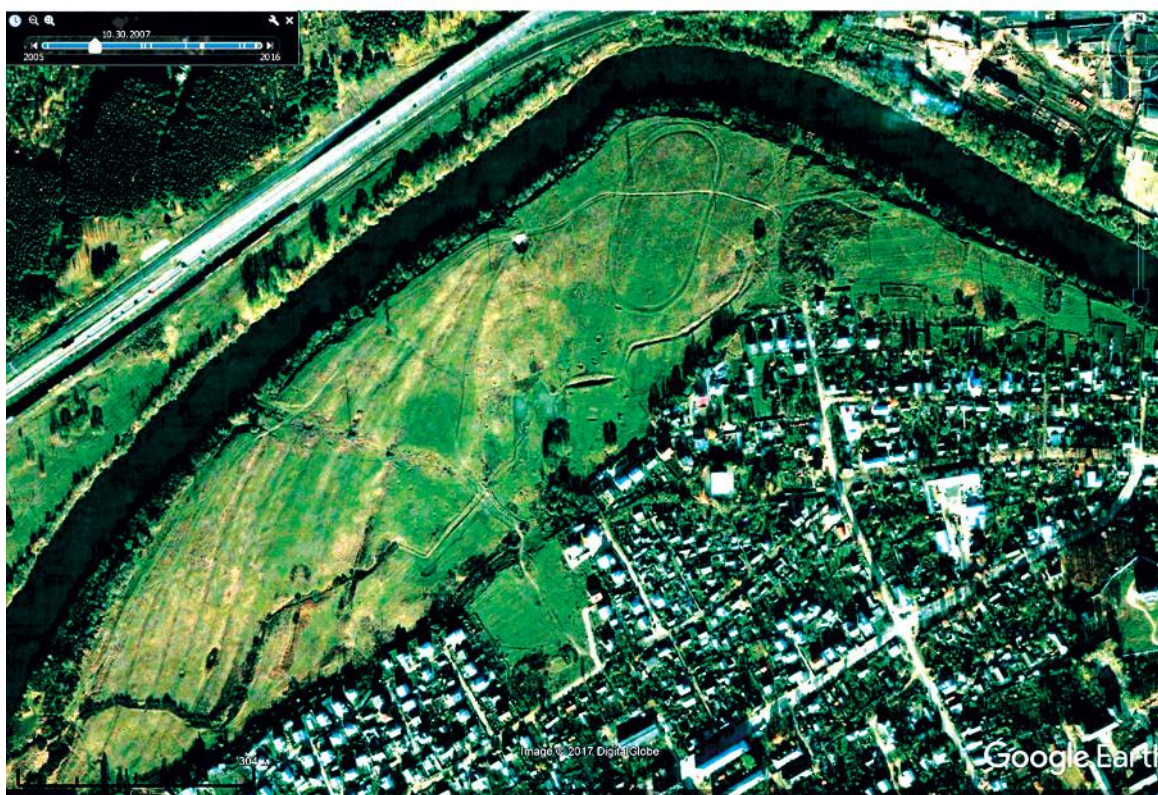

Рис. 1. Сегмент поймы левого берега Днепра в районе Смядыни. 1 – карта русла Днепра 1784 г. (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24081. Л. 45 об.); 2 – карта 2010 г. с нанесенными местами археологических шурфов.

Fig. 1. A segment of the floodplain of the Dnieper left bank in the Smyadyn area

1

2

Рис. 2. Сегмент поймы левого берега Днепра в районе Смядыни на снимке 1941 г. (1) и 2007 г. (2).

Fig. 2. A segment of the floodplain of the Dnieper left bank in the Smyadyn area in the photos of 1941 (1) and 2007 (2)

как “гнёздовская” и, по ее определению, имела лесной генезис. Время формирования этой почвы — 2200–800 лет тому назад (Murasheva et al., 2012. Р. 30). Ниже в шурфе 6 залегает почва 3 на отметках –270.

Почва 3 — это серо-бурый суглинок с включениями единичных угольков. Толщина почвенного горизонта — около 27–30 см. Прослой почвы светлее как книзу, так и кверху. Средний уровень — наиболее темный. Почва залегает почти горизонтально.

Под почвой 3 залегает пачка слоистого аллювия — бурая супесь и опесчаненные прослой. На отметках –320...–325 прослеживается горизонт слабо развитой почвы 3а с включениями редких угольков. Толщина этой почвы — 3–5 см. Под ней — пачка слоистого аллювия. Дно разреза находилось на отметках –339...–399, примерно на 4 м выше меженного уровня Днепра в данном месте (162 м). Археологические находки в шурфе 6 не обнаружены.

Исследования Васильевского храма. Чтобы точно локализовать местоположение Васильевского храма¹, был заложен небольшой раскоп в том месте, где предположительно находился его северо-западный угол. Траншея, примыкавшая к раскопу, прорезала приоровочную часть первой террасы. В ходе раскопок выяснилось, что валлообразные гряды, принятые сперва за руины стен, на самом деле являются отвалами археологических раскопок прошлых лет. Стена была полностью разобрана, сохранился лишь фундамент. Раскоп вскрыл северо-западный угол. Таким образом, местоположение храма удалось точно определить и привязать к геодезическому реперу № 312, расположенному рядом. При этом стало ясно плачевное состояние руин храма. Вся восточная часть постройки уничтожена грунтовой дорогой (при ее прокладке, по словам местных жителей, использовался бульдозер), спускающейся в пойму. Сохранились лишь фундаменты западной трети здания.

Слой отвалов прежних раскопок содержал довольно значительное количество находок древнерусского времени, связанных с храмом, — обломки плинф, в том числе с клеймами, кро-

вельные гвозди, мелкие фрагменты штукатурки с росписью, фрагмент амфоры-голосника и поливной древнерусской керамики. Встречались также и поздние находки — обувная подковка XVII–XVIII вв., железная пряжка с орнаментом, монеты 1930 и 1932 гг.

Северо-западный угол храма выявлен в кв. 4, 5, 4а, 5а. В кв. 1–3 под отвалами старых раскопок прослежена поверхность погребенной почвы (слой 2). Гумусовый горизонт этой почвы не сохранился, но подзолистый горизонт прослеживался. Отметки этой почвы –75...–83 (кв. 2 и 3). В кв. 1 поверхность почвы резко падает на север в сторону Днепра — это бровка склона первой террасы.

На поверхности слоя 2 в кв. 1–3 найдены предметы XII в. В центре кв. 2 обнаружен развал горшка (рис. 3, 4). По форме этот горшок можно отнести к XII в., вероятно, к первой его половине. В кв. 5 найден железный кованый гвоздь с остатками свинцовой кровли. В кв. 1 важными находками стали железный наконечник стрелы (рис. 3, 7) и фрагмент бронзового хороса (рис. 3, 8). Сходный фрагмент хороса ранее был найден в Смоленске при раскопках Пятницкого конца (Пронин и др., 2011. Ил. 119). Обломки бронзовых хоросов в виде стержней, на которые насаживались свечи, неоднократно встречались в древнерусских городах, в частности, в Новгороде Великом (Гайдуков, 1992. С. 99. Рис. 71).

В кв. 2 и 3 на уровне погребенной почвы найдены два фрагмента лепной керамики (в том числе венчик) второй половины I тыс. н.э., сильно окатанные. Основная масса керамики из слоев 1 и 2 относилась к XII в. Важно отметить, что среди керамики присутствовали немногочисленные фрагменты венчиков, которые можно отнести к XI в. (рис. 5, 11, 12).

На отметках –84...–96 в кв. 4 и 5 обозначился контур траншеи раскопок 1909 г., заполненный темно-бурой супесью с включениями строительных материалов: плинфяной крошкой, известью, цемянкой. При дальнейшем углублении поверхности раскопа до отметок –120...–130 в кв. 2–5 обозначились контуры погребальных ям (семь погребений), ориентированных по линии 3–В, и четко проступил угол фундамента церкви. Погребения были оставлены в законсервированном виде, возле фундамента выкопано три зонда для изучения его размеров и характеристик (зондажи 1, 2 и 4).

¹ Атрибуция малого храма, как Васильевского принадлежит Е.Н. Клетновой, это мнение затем поддержано Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом. Существует, однако, и другое предположение, высказанное И.М. Хозеровым (1994. С. 112, 113), о том, что малая церковь на краю террасы — это древнейший Борисоглебских храм монастыря, возведенный в 1141 г.

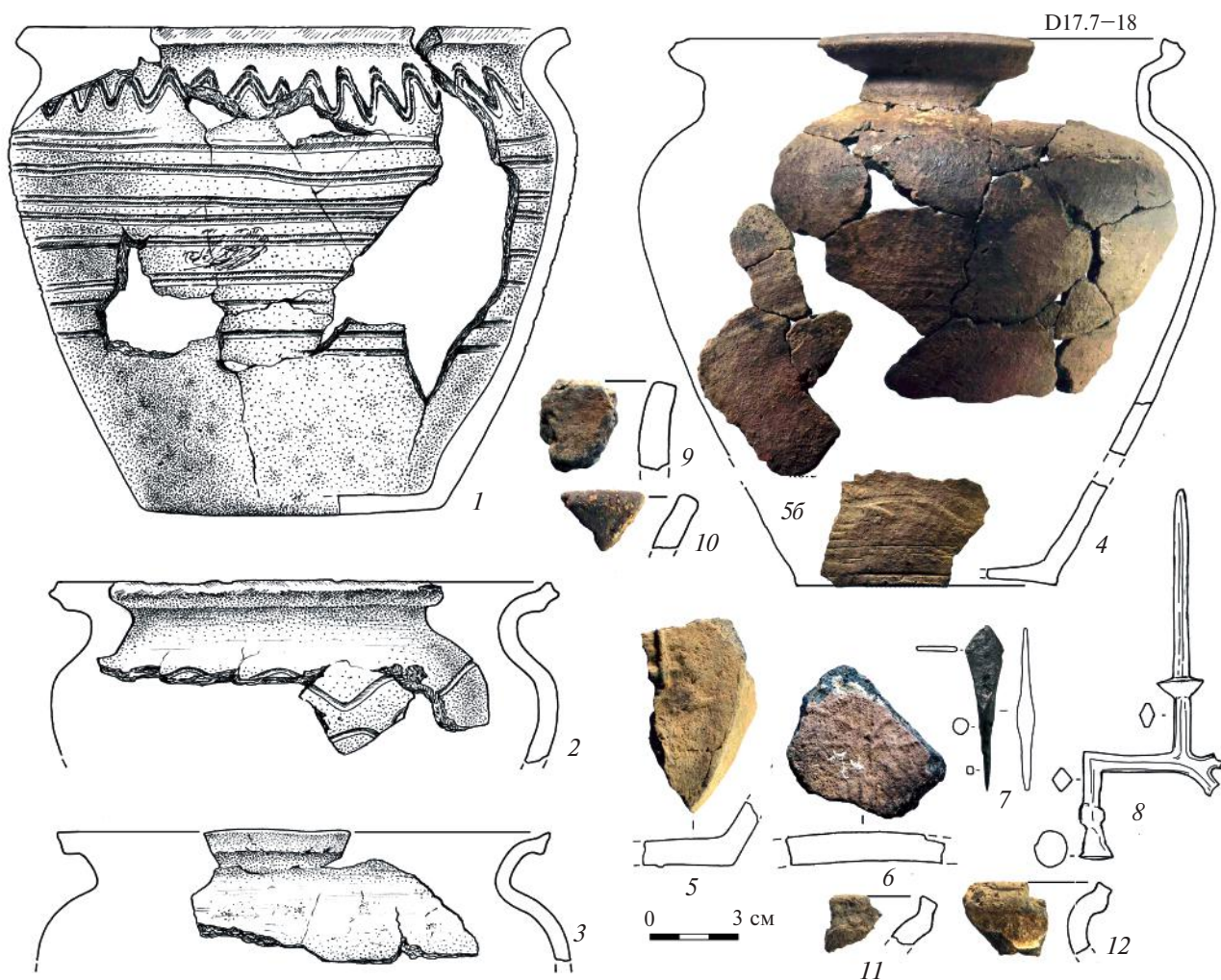

Рис. 3. Находки из шурфов. 1–3 — керамика X–XI вв. из шурфа 4; 4–6, 11, 12 — керамика конца XI — начала XII в., залегающая на поверхности погребенной почвы возле храма; 7 — железный наконечник стрелы; 8 — фрагмент бронзового хороса; 9, 10 — лепная керамика второй половины I тыс. н.э. 4–12 — из шурфа 5.

Fig. 3. Findings from pits

Зондаж 3 — внутри здания церкви в юго-восточном углу кв. 5а — дал весьма ценную информацию. В профиле бортов прослеживалась погребенная почва, перекрытая подсыпкой, на которую был настелен пол храма. Верх слоя подсыпки и плитки пола полностью утрачены. Зато отметка поверхности погребенной почвы имеет важное значение. Нивелировочный уровень погребенной почвы в наименее нарушенном участке имел значение –100. Фрагментарно сохранился гумусовый горизонт погребенной почвы (темно-серая супесь), особенно в самом юго-восточном углу кв. 5а. Изучение профиля проведено почвоведом в главе с М.А. Бронниковой (Институт географии РАН). Отмечено наличие антропогенных изменений почвенного профиля, сформировавшегося изначально под лесом.

С помощью зондажей 1 и 4, составлявших пару, установлены габариты западной стены храма. Ширина стены составляла 150 см. Основание фундамента находилось на отметках –150 (зондаж 4) и –156 (зондаж 1).

Основание фундамента сложено из битой плинфы (залегают плотно, бессистемно, пространство между обломками занято переотложенной материковой супесью), часть которой — вторичного использования (со следами раствора); по подошве фундамента прослеживаются булыжники.

Линия западной стены имела небольшой выступ ровно по границе кв. 4 и 5. Видимо это след лопатки, украшавшей угол храма. Ширина выступа –2 м, глубина –0.22.

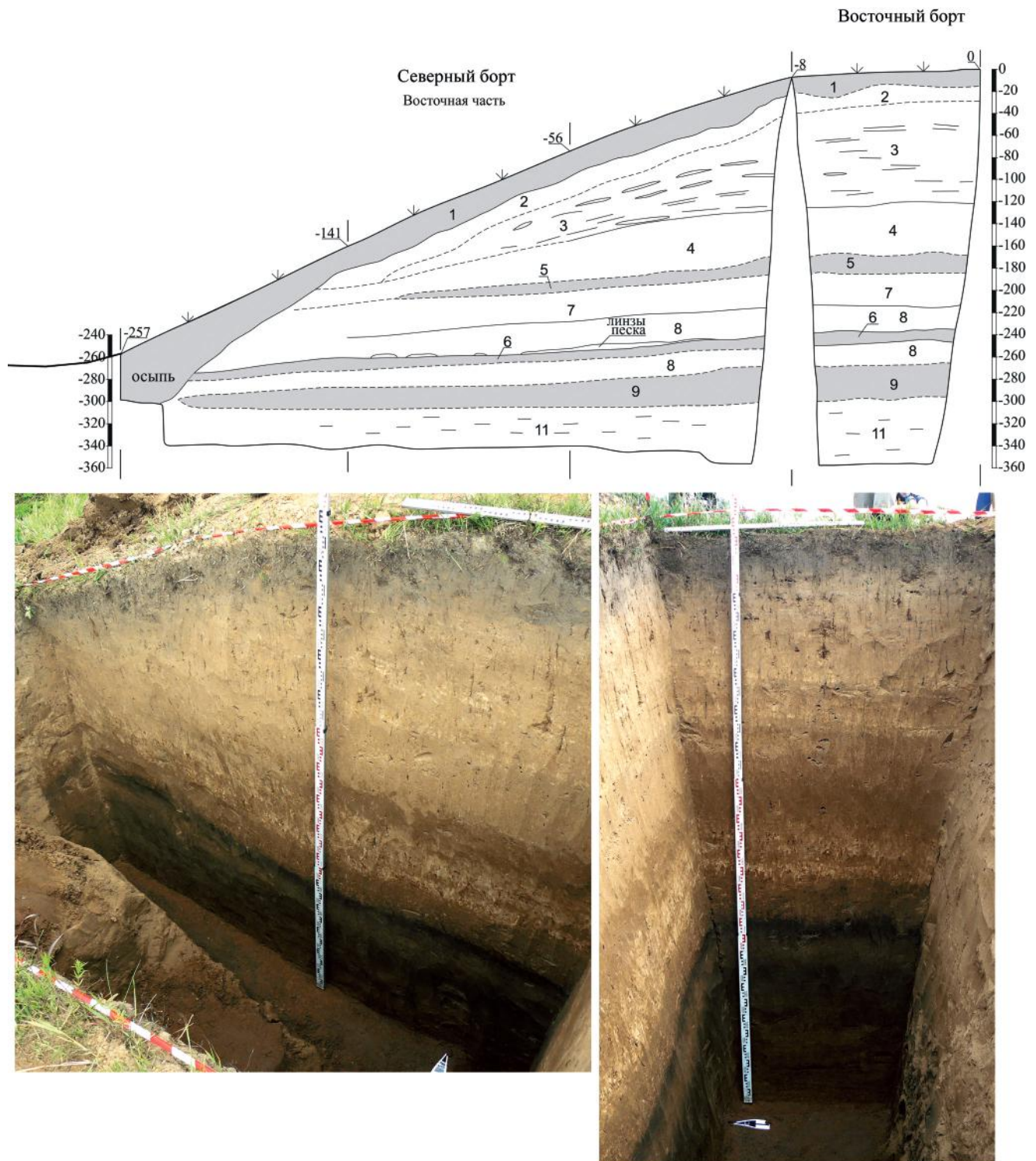

Рис. 4. Чертеж и фотография стратиграфического разреза отложений поймы Днепра (шурф 6). 1 – темно-серая супесь (гумус) – почва 1; 2 – светлая серо-бурая супесь; 3 – слоистый песчаный аллювий; 4 – однородная пылеватая светло-бурая супесь; 5 – светлая серо-бурая супесь – почва 1а; 6 – темная серо-бурая супесь – почва 2 (так называемая гнездовская почва); 7 – светло-бурый песок с пятнами ожелезнения; 8 – светло-бурая супесь; 9 – темно-бурая супесь с единичными угольками – почва 3; 10 – темно-бурая супесь с угольками – почва 3а; 11 – бурая супесь.

Fig. 4. Drawing and a photo of the stratigraphic section of the deposits in the Dnieper floodplain (pit 6)

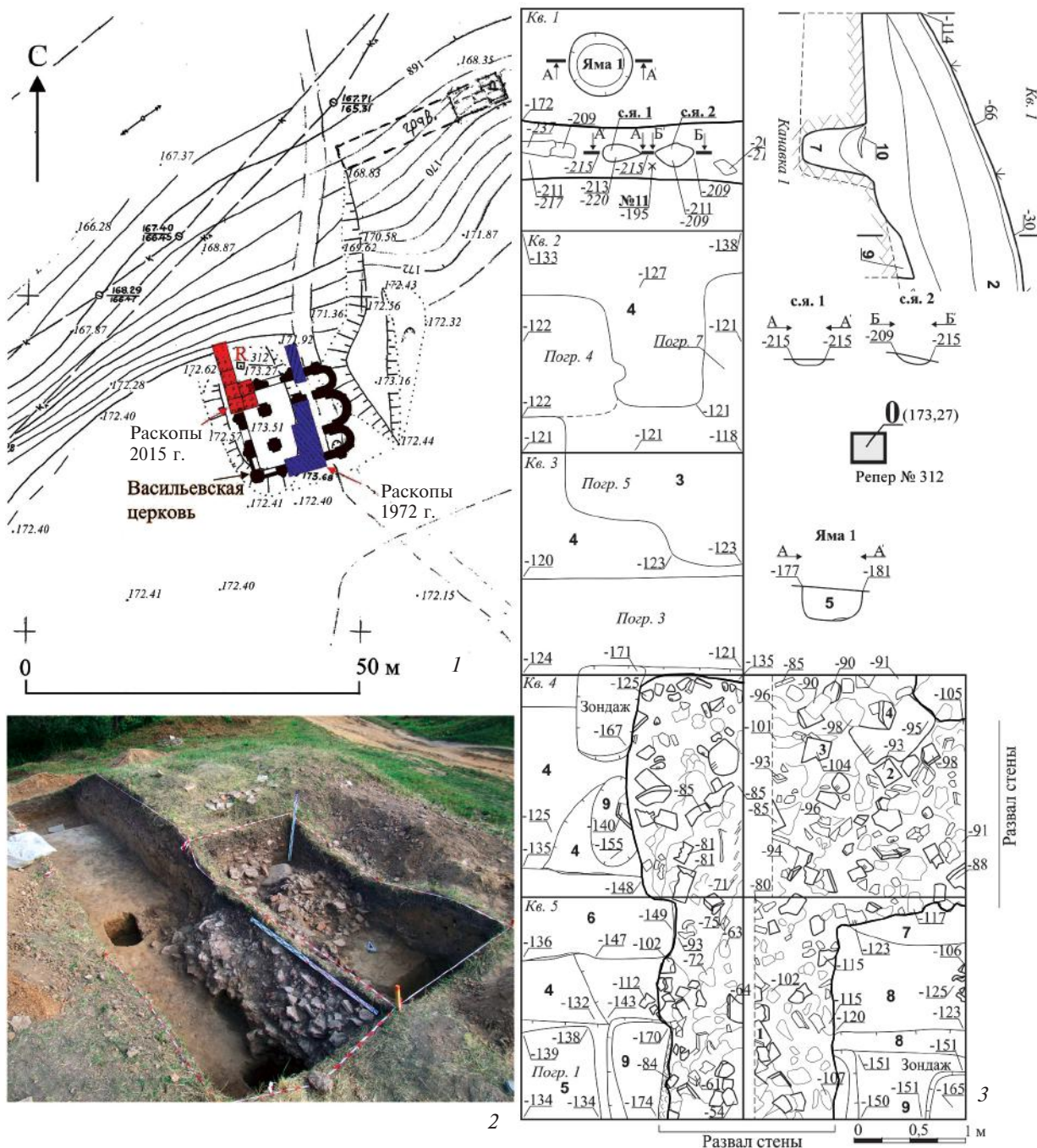

Рис. 5. Топографический план Васильевского храма на Смядыни (1); план (3) и фото с юго-запада (2) шурфа 5. Цифрами на плане (3) обозначены: 1 – серо-бурая супесь, слой 1; 2 – слой 2 (светло-бурая плотная супесь с включениями строительного мусора); 3 – переотложенный материковый грунт; 4 – предматерик; 5 – смесь переотложенного материка и предматерика (бурая и светло-бурая супесь); 6 – бурая супесь; 7 – смесь материковой и светло-бурой супеся; 8 – светло-бурая супесь (погребенная почва); 9 – материк (ярко-бурая супесь); 10 – светлая супесь.

Fig. 5. Topographic plan of St. Basil Church on the Smyadyn (1); a plan (3) and a photo of pit 5 taken from the southwest (2)

Зондаж 2 вскрыл западный фасад фундамента в северо-западном углу храма. Отметки дна фундамента в этом зондаже находились на уровне –160. В основании фундамента – мелкие и средние булыжники, сам фундамент сложен из битой плинфы.

Расчистка развала западной стены в кв. 4 и 5 показала, что регулярность кладки полностью утрачена. Лишь в одном месте в южной части кв. 5 прослеживались несколько плинф, лежавших почти горизонтально. Размеры плинф – 20.5×4;

21×4; 20.5×3.8; 20.5×3.7; 19.7×3.7; 19.7×3.7 см. Лишь в одном случае установлена длина плинфы — 29.5 см.

Ширина развала северной стены храма по восточному борту кв. 4а составляла 160 см. На отметке –95 в кладке фундамента расчищен крупный камень, который, видимо, лежал в основании выступа лопатки. В северо-восточном углу кв. 4а прослеживался след траншеи 1909 г., заполненной строительным мусором.

В кв. 1 при зачистке материка обнаружена шедшая вдоль бровки террасы канавка с заполнением из мешаного суглинка и супеси. Канавка шириной в верхней части 40–50 см прорезала слоистую толщу аллювиальных отложений на глубину 60–70 см. На дне канавки прослежены ямы от частокола. Столбы, видимо, стояли вплотную друг к другу. Концы бревен были заточены. Диаметр бревен — около 20 см. В заполнении канавки найдено шесть фрагментов круговой древнерусской керамики и одна лепная стенка.

С внешней стороны ограды в северо-западном углу кв. 1 зафиксирована округлая яма 1 диаметром 60 см, глубиной до 30. Заполнение — светло-бурая супесь. Дно плоское.

Выводы. В результате проведенной работы удалось точно определить местоположение ц. Василия. Важно подчеркнуть, что использованный при ее строительстве вторичный материал, бывший ранее в употреблении, косвенным образом указывает на то, что это не первое каменное сооружение монастыря.

Выявлен горизонт дневной поверхности времени строительства церкви. Получены данные о ширине фундаментов западной и северной стен храма, а также глубины их заложения и состав заполнения. Установлено, что место, где был возведен храм, ранее подвергалось достаточно интенсивному хозяйственному использованию, сопровождавшемуся отложением в земле керамики, начиная со второй половины I тыс. н.э. Наличие фрагментов круговой керамики XI в. показывает, что и в это время на данном месте была какая-то активность, но непо потревоженный слой этого времени в раскопе не сохранился.

Основная масса находок связана с самой церковью — это битая плинфа, фрагменты амфор-голосников, куски расписной штукатурки и кровельные гвозди с остатками свинцовой кровли. Бытовая керамика древнерусского вре-

мени связана с функционированием монастыря. Данный состав находок фиксировали и предшествовавшие раскопки (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 151–162). Уникальна находка фрагмента бронзового хороса. Есть все основания предполагать, что хорос находился именно в ц. Василия. Деревянная ограда-частокол проходила по бровке террасы. Ранее эта стена не фиксировалась. Время сооружения деревянной ограды точно не определено. Дату *post quem* дают древнерусские фрагменты керамики XII в. из заполнения частокольной канавки. Нельзя полностью исключить предположение, что это ограда XVII в., связанная с периодом русско-польских войн за Смоленск. Так, на гравюре В. Гондиуса показана некая ограда укрепленного военного лагеря по кромке террасы возле ц. Василия (Воронин, Раппопорт, 1979. Рис. 70). Однако наиболее вероятно, что стена древняя, времени основания монастыря, так как стратиграфические данные скорее свидетельствуют в пользу того, что канавка предшествует строительству Васильевской церкви.

К сожалению, приходится сделать вывод, что археологические раскопки 1909 и 1972/1974 гг. способствовали почти полному разрушению остатков Васильевской церкви, а никак не послужили делу ее сохранения. Особенно катастрофичными оказались последующие за ними хозяйственные работы. Раскрытые фундаменты не были законсервированы. Охрана памятника не велась. В настоящее время сохранилась лишь западная стена и, вероятно, небольшие участки северной и южной стен. Центральная и восточная части храма полностью утрачены.

При изучении поймы в районе поиска русла пересохшей р. Смядынь установлено, что современный желоб стока пойменных вод находится на новом месте, прорезает свиту древних отложений. Русло Смядыни можно искать к западу от шурфа 6. Вскрытая им стратиграфия пойменных отложений показывает, что в данном месте сохранился древний участок поймы Днепра, включающей несколько погребенных почв. Для уточнения возраста этих почв необходимо проведение радиоуглеродного датирования. Весьма вероятно, что угли в почвах — это результат деятельности людей. Вероятно также, что темнокрасный горизонт почвы 3 имеет среднеголоценовый возраст, а почва 2 относится к эпохе субатлантика и сопоставима с “гнездовской” почвой.

Дальнейшие разведки следует направить на выявление русла р. Смядынь и ее берегов, на которых, возможно, удастся обнаружить следы человеческой деятельности, в том числе и начала XI в., в чем убеждают результаты шурфовки 2014 г.

Авторы благодарны о. Павлу Петровскому, настоятелю ц. Архангела Михаила (Свирской) за финансовую поддержку и инициативу по возобновлению археологических раскопок в Борисоглебском монастыре. В работах принимали участие археологи И.С. Аникин, Д.В. Валуев, А.А. Войцик, М.В. Лавриков, Д.С. Могилев, Т.Ю. Муренцева, В.С. Нефедов, Р.Б. Платоновский, В.А. Раева; архивный поиск — Б.В. Кудрявцев.

Авторы благодарят также Петра Киттеля за сотрудничество и предоставленные данные о результатах радиоуглеродного датирования в Краковской лаборатории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д.И. Абрамовичем. Пг.: Тип. Имп. АН, 1916. 204 с.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории гнёздовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.

Бегунова В.В. Из истории археологических исследований Смядынского предместья в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 368–379.

Воронин Н.Н., Раннопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 415 с.

Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН, 1992. 197 с.

Пронин Г.Н., Соболев В.Е., Гусаков М.Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: Изд. Флиманкова И.А., 2011. 208 с.

Пушкина Т.А., Енисова Н.В., Мурашева В.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

Хозеров И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск: Навука і тэхніка, 1994. 152 с.

Murasheva V., Bronnikova M., Panin A., Pushkina T., Adamiec G., Sheremetskaya E. Geoarchaeology of the upper Dnieper River valley at Gnezdovo: field excursion // Geoarchaeological issues of the upper Dnieper – Western Dvina river region (Western Russia): fieldtrip guide. Moscow; Smolensk: Universum, 2012. P. 20–48.

NEW INVESTIGATIONS OF THE SMYADYN AREA IN SMOLENSK

Nikolay A. Krenke*, Ivan N. Ershov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: nkrenke@mail.ru

** E-mail: ershovin@yandex.ru

New investigations of a small church of the 12th century on the territory of the Boris and Gleb Monastery on the Smyadyn made it possible to refine its location and the degree of preservation of its foundations, as well as to reveal the wooden fence of the monastery. The finds collected in the buried ground beneath the church floor (including stucco ceramics) indicate a long period of economic development of the monastery location since the second half of the 1st millennium AD. The number of finds dated back to the 11th–12th centuries is significant. The study of the floodplain area allowed obtaining data on changes in the position of the Dniepr riverbed. In the rear part of the terrace there was found a location of an oxbow lake, which existed during the construction of the monastery. At that time, the riverbed of the Dnieper was about 100 m to the north of the terrace edge. A site was found in which there was a descent from the terrace to the bank of the river Smyadyn, where the finds of the late 10th – early 11th century were discovered. The study determined the “corridor” within which the Smyadyn riverbed was located. Upstream from its mouth in the deposits of the Dnieper floodplain, ancient buried soils of the Atlantic-Sub-Atlantic period have survived, including the clearly manifested “Gnezdovo” soil, which was the day surface in the second half of the 1st – the early 2nd millennium.

Keywords: floodplain, buried soils, river’s paleobed, Old Russian temples, monasteries.

REFERENCES

Aleksandrovskiy A.L., Krenke N.A., Nefedov V.S., 2005. Paleorelief of the Dnieper high flood-plain in the territory of the Gnezdovo archaeological complex. *Russ. arkheologiya [Russ. Archaeology]*, 1, pp. 112–123. (In Russ.)

Begunova V.V., 2015. From the history of archaeological studies of the Smyadyn outskirts in Smolensk. *KSIA [Brief*

Communications of the Institute of Archaeology], 241, pp. 368–379. (In Russ.)

Gaydukov P.G., 1992. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop [Slavensky outskirts of the medieval Novgorod. Nutnyi excavation site]. Moscow: IA RAN. 197 p.

- Khozerov I. M.*, 1994. Belorusskoe i smolenskoe zodchestvo XI–XIII vv. [Belorussian and Smolensk architecture of the 11th–13th centuries]. Minsk: Navuka i tekhnika. 152 p.
- Murasheva V., Bronnikova M., Panin A., Pushkina T., Adamiec G., Sheremetskaya E.*, 2012. Geoarchaeology of the upper Dnieper River valley at Gnezdovo: field excursion. *Geoarchaeological issues of the upper Dnieper – Western Dvina river region (Western Russia): fieldtrip guide*. Moscow; Smolensk: Universum, pp. 20–48.
- Pronin G. N., Sobol' V. E., Gusakov M. G.*, 2011. Drevniy Smolensk. Arkheologiya Pyatnitskogo kontsa [Ancient Smolensk. The archaeology of the Pyatnitsky outskirts]. Smolensk: Izdatel' Flimankova I. A. 208 p.
- Pushkina T. A., Eniosova N. V., Murasheva V. V.*, 2012. The Gnezdovo archaeological complex. *Rus' v IX–X vv. Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries. Archaeological panorama]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 242–273. (In Russ.)
- Voronin N. N., Rappoport P. A.*, 1979. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. [Smolensk architecture of the 12th–13th centuries]. Leningrad: Nauka. 415 p.
- Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im [Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and service to them]*. D. I. Abramovich, ed. Petrograd: Tip. Imp. AN, 1916. 204 p.